

Année franco-russe des langues et des littératures
Франко-российский год языка и литературы

Littérature et Musique

14.04.2018
16.00

Musée des Beaux-Arts
Pouchkine
12, rue Volkhonka
Salle Michelangelo

ГМИИ им. Пушкина
ул. Волхонка, 12
Зал Микеланжело

Concert

LES VOIX NUES

ОБНАЖЕННЫЕ ГОЛОСА

Концерт

Claire Lefilliâtre chant
et **Léonor de Récondo**
violon et textes

Клэр Лефийятр сопрано
и **Леонор де Рекондо**

скрипка, тексты

Chansons médiévales
et textes inédits
Средневековые песни
и современные тексты

www.institutfrancais.ru
www.arts-museum.ru

AMBASSADE DE FRANCE
EN RUSSIE

INSTITUT
FRANÇAIS
Russie

Née en 1976, **Léonor de Récondo**, violoniste, spécialisée dans le répertoire baroque, mène une carrière musicale internationale avant de se découvrir, avec la publication en 2010 d'un premier roman *La grâce du cyprès*, une seconde vocation, celle d'écrivain. Léonor de Récondo a travaillé avec les plus prestigieux ensembles baroques. Elle a été lauréate du concours international de musique baroque Van Wassenaer (Hollande) en 2004. Elle a fondé en 2005 avec Cyril Auvy (ténor) L'Yriade, un ensemble de musique de chambre baroque spécialisé dans le répertoire oublié des cantates. Après *La Grâce du cyprès blanc*, elle a publié *Rêves oubliés*, *Pietra Viva*, *Amours* (Grand Prix RTL/LIRE et Prix des Libraires), *Point Cardinal* (en 2017). Ses romans sont traduits en plusieurs langues.

Леонор де Рекондо родилась в 1976 году. По первому своему призванию – барочная скрипачка, концертирующая по всему миру. В 2010 году опубликовала свой первый роман «Грация белого кипариса» / *La grâce du cyprès*. Лауреат международного конкурса барочной музыки Вана Васснера (Голландия, 2004), Леонор де Рекондо выступала в составе самых известных ансамблей старинной музыки. В 2005 вместе с тенором Сирилом Овити создала камерный ансамбль Yriade, возвращавший слушателям богатое наследие полузабытых кантат. После «Кипариса» Леонор де Рекондо опубликовала «Забывшие мечты» / *Rêves oubliés*, *Pietra Viva*, «Любовь» / *Amours* (Гран-При радио RTL/журнала LIRE и Приз французских книжных магазинов), «Определяющий фактор» / *Point Cardinal* (2017). Её романы переведены на многие иностранные языки.

Passionnée par le chant et l'expression baroque, **Claire Lefilliâtre** est reconnue comme l'une des meilleures spécialistes de l'interprétation des musiques françaises et italiennes du XVIIe siècle. Elle collabore avec de prestigieux ensembles en France et à l'étranger tels que Le Poème Harmonique, Les Nouveaux Caractères, l'Ensemble La Fenice, Le Holland Baroque Society etc. Sa curiosité l'amène également à travailler sur des projets singuliers, à la croisée de différents mondes artistiques : c'est le cas des textes inédits de Léonor de Recondo qu'elle accompagne de poèmes chantés du Moyen-Âge, ou du spectacle *Espace d'Aurelien Bory* qu'elle viendra présenter en Russie à l'automne 2018.

Страстная поклонница барочного пения, **Клэр Лефийятр** признана одной из лучших исполнительниц французской и итальянской музыки XVII века. Она работает с самыми престижными ансамблями во Франции и за рубежом, такими, как Le Poème Harmonique, Les Nouveaux Caractères, l'Ensemble La Fenice, Le Holland Baroque Society и т. д. Разнообразие артистических интересов приводит ее к работе над самыми необычными проектами, находящимися на стыке различных художественных миров: исполнение неизданных текстов Леонор де Рекондо, которые Клэр сопровождает пением средневековой поэзии, или же спектакль «Espace» режиссера Орельена Бори, который она покажет в России осенью 2018 года.

La brume

Léonor de Récondo

La brume danse avec le vent
Des lambeaux de sa jupe accrochés aux arbres.
Entre eux, le pré s'étire,
Dans le vert silence du matin.
La brume est venue tôt, aux pieds de la montagne.
Les premières foulées en une seule échappée.
Elle gravit la pente, le souffle blanc.
Elle inonde les cimes.
Aucune trouée.
Le vent l'aperçoit au loin.
Il la guette au détour du col.
D'un geste, il l'appelle.
Elle longe le flanc du versant.
Ourlets défaits, course rapide.
La rencontre se fait à mi-pré.
Elle s'étire, il se déploie.
Clairières dans la brume qui soudain dévale.
Et ils dansent,
Serrés.

22 juillet 2017

La biche

Léonor de Récondo

Il faut l'entendre crier pour la voir.
Deux yeux noirs brillants, affolés.
Son pelage immaculé au creux de la neige.
La blanche biche.
Elle tremble au garrot.
Le corps tendu, entier dans sa course.
La chasse aux trousses, la peur aux sabots,
Le cor et le cri simultanés.
La vie sauve, ce jour.
La horde perdue dans la neige
A le flair gelé, la dent inutile,
La course vaine.
Un battement, un frémissement,
Des traces légères dans la neige.
Elle fuit au loin.

24 juillet 2017

Дымка

Леонор де Рекондо

Дымка танцует с ветром.
Клочки ее платья развеваются на ветвях
деревьев.
Меж ними простирается луг,
В зеленой тишине утра.

Дымка пришла рано, к подножию гор.
Легким касанием в один прыжок.
Она взлетает на склон, белой испариной.
Она затапливает вершины.
Без малейшего просвета.

Ветер заметил ее издали.
Он подстерегает ее в изгибах ущелья.
Он манит ее движением.
Она огибает отвесный склон.
Подол ее платья растрепался в быстром беге.

Они встретились посреди луга.
Она простирается, он выступает ей навстречу.
Внезапно проявляются просветы в дымке.
И они танцуют,
Прижавшись друг к другу.

22 июля 2017

Лань

Леонор де Рекондо

Нужно услышать ее крик, чтобы увидеть ее.
Два сверкающих встревоженных черных глаза.
Ее безупречно белый мех.
Белая лань.

Она трепещет.
Тело вытянулось в беге.
Охота, страх дошел до копыт.
Валторна и крик едины.

Жизнь спасает, этот день.
У своры, потерявшей в снегах,
Нюх замерз, зуб бесполезен,
Гонка напрасна.

Сердцебиение, дрожь,
Легкие следы на снегу.
Она убежала вдаль.

24 июля 2017

FRONTIÈRE

Léonor de Récondo

L'enfant regarde la ligne tremblante de l'horizon,
Cette ligne trouble entre ciel et mer,
Mine de plomb légèrement estompée.
L'enfant a les pieds nus, brûlés par le soleil d'été.
Ses yeux plongent sans retenue aucune,
Il s'imagine là-bas, courant, filant.
Il est en Espagne, il ne connaît pas le mot
Frontière,
Vocabulaire tranchant, au-delà des montagnes.
Dès le lendemain, le 18 août 1936,
Alors que le poète, plus au sud, est assassiné,
L'enfant va fouler le mot de ses sandales.
Ce mot à l'allure d'un pont, il relie, rejoint
Une rive à l'autre, il devrait embrasser,
Plutôt que de séparer, délimiter.
Frontière est une césure, une suffocation,
Un soupir étranglé, une sueur glacée
Qui coule le long des cuisses, et tache les sandales.
L'enfant traverse le pont qui enjambe la Bidasoa,
Les doigts broyés dans la paume de sa mère,
Elle laisse tout, mais agrippe son fils.
L'enfant ne sait pas, ne sent que la poigne
De celle si forte qui jusque-là le berçait,
Et dont l'âme maintenant se jette entre deux eaux.
D'un pays à l'autre, aux confins d'une ligne haletante,
Percée de bombardements, les visages se détournent.
La frontière en soi, entre avoir et ne plus être.
La mère n'est plus que ce qu'elle porte,
Une bague cachée sur ses seins, la main de son enfant
Dans la sienne arrimée, accrochée.
L'enfant est devenu un homme, puis un père.
Il a traversé la vie, le cœur nu,
Et son regard s'est glissé dans celui d'une femme nue, elle aussi.
L'enfant, l'homme, le père, et tout ce qui le constitue,
Est mort, il y a un an, sa main agrippée à la mienne.
À mon petit doigt, aujourd'hui, la bague de ma grand-mère.

25 mars 2016

ГРАНИЦА

Леонор де Рекондо

Ребенок смотрит на дрожащую линию горизонта,
Эта линия мутнеет между небом и морем,
Как слегка растушёванный графит.

У ребенка босые ноги, сожженные летним солнцем.
Его взгляд плывет, ни на чем не задерживаясь,
Он видит себя там, бегущим, убегающим.

Он в Испании, он не знает слова
Граница,
Режущее слово, по ту сторону гор.
С послезавтрашнего дня, 18 августа 1936,
В то время как поэт, южнее, убит,
Ребенок будет топтать это слово своими сандалиями.

Это слово на манер моста соединяет
Один берег с другим, оно должно скорее объединять,
А не разлучать, разделять.

Граница
Это разрыв, удушье,
Сдавленный вздох, холодный пот,
Который течет по ногам, достигая сандалий.

Ребенок пересекает мост, перекинутый через реку Бидасоа,
Его пальцы сжимают ладонь его матери,
Она бросает все и хватается за сына.

Ребенок не знает, он чувствует только с силой сжатую ладонь
Той, которая до этого его только нежно баюкала,
И душа которой бросается меж двух вод.

Из одной страны в другую, за пределы дрожащей линии,
Просвет в бомбардировках, лица отворачиваются.
Граница как есть, между иметь и больше не быть.

Мать больше ничто, кроме того как то, что она несет,
Кольцо, спрятанное на груди, рука ребенка
В ее руке, схожей, зацепившейся.

Мальчик стал мужчиной, потом отцом.
Он пересек жизнь, с обнаженным сердцем,
И его взгляд скользнул по взгляду обнаженной женщины, ее
тоже.

Ребенок, мужчина, отец, и все, что его составляет
Умерло, уже как год, его ладонь в моей.
А на моем маленьком пальчике, сегодня, кольцо моей
бабушки.

25 марта 2016

La Louison

Анониме

En remontant la place d'armes
J'ai entendu ma Louison
Ah ! qu'elle pleurait, versait des larmes D'avoir perdu son cher amant
Ne pleure pas charmante Louise Car dans six mois je reviendrai
Je reviendrai de ma campagne
Je reviendrai pour t'épouser
Et quand l'enfant viendra à naître Tu lui feras porter mon nom
Je m'appelle Louis sans gêne
Je suis un garçon sans façon.

Луизон

Неизвестный автор

Поднимаясь на плац,
Я услышал мою Луизон
Ах! Как она плакала, проливая слезы,
От того, что потеряла своего любимого

Не плачь, милая Луиза,
Через полгода я вернусь,
Я вернусь из военного похода
Я вернусь, чтобы жениться на тебе

И когда ребенок появится на свет
Ты дашь ему мое имя
Я зовусь Луи без стеснения
Я парень без церемоний.

Aux Marches du palais

Анониме

Aux marches du palais, y a une tant belle fille.
Elle a tant d'amoureux qu'elle ne sait lequel prendre.
C'est un p'tit cordonnier qu'a eu sa préférence.
« La belle, si tu voulais, nous dormirions ensemble
Dans un grand lit carré couvert de toiles blanches
Aux quatre coins du lit, un bouquet de pervenches
Dans le mitan du lit, la rivière est profonde
Tous les chevaux du roi y viendraient boire ensemble.
Et là, nous dormirions jusqu'à la fin du monde. »

На ступенях дворца

Неизвестный автор

На ступенях дворца, есть
Такая прелестная девушка.
У нее столько поклонников,
Что она не знает, кого выбрать.
Вот маленький сапожник,
Который снискал ее расположение.
«Красавица, если бы ты только захотела,
Мы бы спали вместе
На большой квадратной кровати,
Покрытой белым пологом
На четырех углах кровати,
По букету барвинка
Посреди кровати
Река глубока
Все королевские кони
Приходили бы туда к водопою.
И там мы бы спали
До конца времен».

L'Atelier

Leonor de Récondo

Le soleil est haut dans le jardin. C'est le début de l'été. De la terrasse, je regarde la Garonne au loin. Tant de fois, j'ai vu ce paysage, j'ai foulé l'herbe du jardin, j'ai admiré la branche hirsute de l'acacia se détacher sur le ciel, en fleurs ou en feuille, sur le bleu. Bleu est le ciel aujourd'hui, verte est l'herbe qui craque sous mes pas. Tout m'est connu et inconnu. Je n'y suis pas retournée depuis la mort de mon père.

Il est mort et j'utilise le présent. Je plonge dans les interstices du temps, là où l'acuité de la mortalité force le présent à s'ouvrir. Félix, heureux sois-tu. Je t'appelle par ton prénom. Il fait chaud ce jour-là. Dans mon dos, il y a le Prieuré, ses grandes pièces, son mur accolé à celui de l'église. Le sacré uni au séculier. Nous avons déjeuné, Cécile et moi, dans la fraîcheur de la cuisine. Des tomates coupées en rondelles, du fri-candeau sur du pain et un café. Nous prenions notre temps, je me souviens parfaitement que je reculais l'instant où je retournerai dans son atelier. L'atelier de Félix dans lequel j'étais allée de si nombreuses fois, avec l'insouciance de toujours pouvoir en ouvrir la porte, de l'y trouver assis sur sa chaise en paille. À ses pieds, des mottes de terre glaise régulièrement humidifiées, et tout autour une dizaine de gisants en terre crue, exécutés et livrés, sur leurs socles, à la sécheresse. Hommes nus qui se craquellent et se soulèvent dans un dernier souffle, aspirés par la lumière.

L'été, Félix travaille torse nu, un pantalon kaki, maculé de plâtre, noué à la taille par une corde. Je passe la tête par la porte et je lui demande comment ça avance. Il baisse le son de la radiocassette, et me regarde en souriant au-dessus de ses lunettes. On ne se dit pas grand-chose. Parfois, je prends mon violon. Je plante mon pupitre au milieu des sculptures et je joue. On compare nos avancées. Fragiles si souvent. Il continue de malaxer entre son pouce et son index une boulette de glaise, il l'écrase, lui imprime son empreinte digitale, puis la roule à nouveau. Geste inconscient de concentration. Ces instants sont doux. Ils n'existent plus, sauf par ma pensée, sauf par mon crayon et ma voix. Il reprend son outil en bois et je m'en vais. Maintenant, l'atelier est fermé. La clé est cachée dans un panama accroché à un des murs de la cuisine. Le fond de café qui reste dans ma tasse est froid. Il est temps, je suis venue pour ça. Je le dis à Cécile. Je prends la clé dans le chapeau, je foule l'herbe du jardin, j'hésite encore, je vais voir la Garonne. J'ai le temps, n'est-ce pas ? Je pourrais laisser cette porte fermée quelques jours encore. À quoi bon l'ouvrir ? Laisser les gisants dans le silence de l'atelier. Revenir demain.

Mais la clé, dans ma main, est maintenant à la température de ma paume. Je me retourne, je regarde la bâtisse de l'atelier qui s'élève plus loin dans le jardin, sa porte en fer et en verre. Je me mets en marche. Il n'y a plus d'hésitations, il y a le désir profond d'y être, d'y retrouver la joie perdue. La clé est chaude dans mon poing. J'actionne la serrure, ouvre la porte. Les gonds grincent. J'avais oublié ce bruit, je le reconnais maintenant. Je ne referme pas la porte. Je veux que le soleil et sa chaleur entrent à ma suite. Je découvre les gisants de leurs bâches en plastiques qui les protègent de la poussière et des regards. Ils sont là, tel que dans mon souvenir, certains plus grands, plus effrayés, d'autres plus sereins. Mais ils sont tels que je les avais laissés. Je caresse, du bout du doigt, un pied, un mollet proéminent. La terre est douce, lissée par la patience du sculpteur. Je touche là où tu as touché. Je caresse ton empreinte. À cet instant-là, je ne suis ni triste ni nostalgique. Je suis tout entière dans la pulpe de mon doigt qui ravive le souvenir. J'entre plus avant. Je sens la chaleur du soleil sur mes omoplates. Il y a, sur une table, l'écorché en plâtre, debout, bras tendu, que tu consultais lorsque tu doutais de l'attache d'un muscle. Il y a un vaporisateur à eau, jaune, sale, des outils, des petites têtes en plâtre elles aussi. Je vois tout cela, mais ce qui subitement accroche mon regard, c'est le pantalon abandonné sur la chaise en paille. Le pantalon avec ses taches de plâtre, et sa corde. Pantalon vide de corps. Tissu inerte. Félix, où es-tu ? À la fin de ta journée de travail, tu t'es changé. Tu ne sais pas que c'est la dernière, tu t'es changé et tu as refermé la porte de l'atelier derrière toi. Il n'y a pas de théâtralité, il n'y a aucun drame dans ton geste. Tu as posé ton pantalon en pensant à ce que tu ferais le lendemain. Et tu n'es pas revenu.

Мастерская

Леонор де Рекондо

Солнце высоко над садом. Это начало лета. С террасы я люблюсь видом Гаронны вдали. Сколько раз я видела этот пейзаж, топтала утреннюю траву, любовалась ветвями пушистой акации на фоне неба, в цвету или зелени на голубом. Голубое сегодня небо, зеленая трава хрустит под моими ступнями. Все мне знакомо и не знакомо. Я сюда не возвращалась со смерти моего отца.

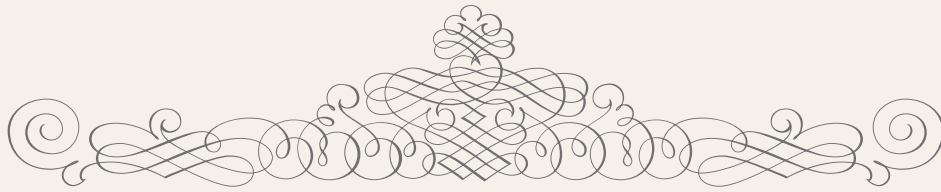
Его больше нет, а я здесь в настоящем. Я погружаюсь во временной портал, туда, где острота смерти вынуждает настоящее приоткрываться. Феликс, счастливый. Я зову тебя по имени. Жаркий день. За моей спиной Церковь настоятеля, с ее огромными залами, стеной примыкающей к стене церкви. Священное соприкасается с мирским. Мы позавтракали, Сесиль и я, в свежести летней кухни. Томаты, нарезанные кружками, фрикандо на хлебе и кофе. У нас было время, я прекрасно помню, что я отдаляла момент возвращения в его мастерскую. Мастерскую Феликса, в которую я так часто ходила, легкомысленно полагая, что всегда смогу отворить эту дверь и найти его там, сидящим на своем соломенном стуле. У его ног комья регулярно смачиваемой гончарной глины, а вокруг на полу – с десяток глиняных скульптур для надгробий, уже законченных и оставленных сохнуть на постаментах. Обнаженные мужские фигуры, уже покрывшиеся трещинами, они приподнимаются на последнем дыхании, в дуновении света.

Лето, Феликс работает с голым торсом, в штанах цвета хаки, весь запачканный гипсом, подвязанный веревкой. Я просовываю голову в дверь и спрашиваю, как продвигается работа. Он убавляет звук кассетного магнитофона, и смотрит на меня поверх своих очков, улыбаясь. Мы не говорим ничего особенного. Иногда я беру скрипку. Устанавливаю пюпитр посреди скульптур и играю. Мы сравниваем наши успехи. Часто хрупкие. Он продолжает катать маленький глиняный шарик между большим и указательным пальцем, раздавливает его, оставляя на нем отпечаток своего пальца, затем снова скатывает. Бессознательные движения сосредоточенности. Эти сладостные мгновения. Их больше нет, они лишь в моих мыслях, в карандаше и голосе. Он вновь берет деревянный инструмент, и я ухожу.

Теперь мастерская закрыта. Ключ спрятан под панамой, висящей на одной из стен кухни. Остатки кофе в моей чашке остыли. Время пришло, я пришла для этого. Я говорю это Сесиль. Я беру ключ из-под шляпы, топчу траву в саду, все еще сомневаюсь, иду посмотреть на Гаронну. У меня есть время, не так ли? Я могла бы оставить закрытой эту дверь еще на несколько дней. Для чего ее открывать? Оставить фигуры надгробий в тишине мастерской. Вернуться завтра.

Но ключ в моей руке теперь согрет теплом моей ладони. Я возвращаюсь, смотрю на здание мастерской, которая уходит дальше в сад, своей дверью из стекла и металла. Я поднимаюсь по ступеням. Больше нет сомнений, есть глубокое желание быть там, вновь обрести там утерянную радость. Ключ горячий в моем кулаке. Я поворачиваю его в замочной скважине, я открываю дверь. Петли скрипят. Я позабыла этот звук, теперь я узнаю его. Я не закрываю дверь. Я хочу, чтобы солнце и жара вошли вслед за мной.

Я открываю надгробные скульптуры, покрытые полиэтиленом, защищающим их от пыли и взглядов. Они здесь, такие как в моих воспоминаниях, некоторые больше, более устрашающие, другие же более безмятежные. Но они такие, как я их покинула. Я провожу по ним кончиком пальца, нога, выступающая голень. Глина, послушная, приглаженная терпением скульптора. Я прикасаюсь там, где прикасался ты. Я лелею твои следы. В этот момент я не испытываю ни грусти, ни ностальгии. Я вся целиком – нерв этого пальца, который оживляет воспоминания. Я прохожу дальше. Я ощущаю жаркое солнце на своих лопатках. На столе, с вытянутыми руками, стоит гипсовая фигура экорше, на которую ты смотрел, когда сомневался, как вылепить мышцу. Есть пульверизатор, желтый, грязный, инструменты, небольшие головы, тоже из гипса. Я вижу все это, но вот, что внезапно притягивает мой взгляд: брошенные штаны на соломенном стуле. Штаны, испачканные в гипсе и его веревка. Штаны, в которых нет тела. Безжизненная ткань. Феликс, где ты? Ты переоделся после рабочего дня. Ты не знаешь, что это в последний раз, ты переоделся и закрыл дверь мастерской за собой. В этом нет театральности, никакой драмы в твоем жесте. Ты просто оставил одежду, думая о завтрашних планах. И ты не вернулся.

Le roi Renaud

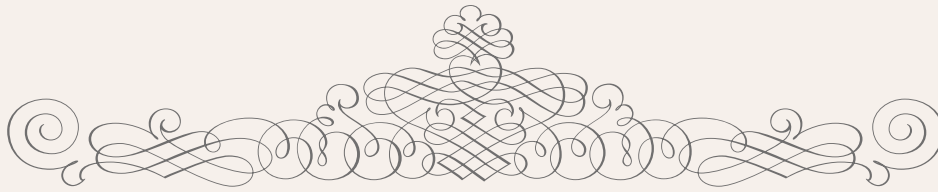
Anonyme

Le roi Renaud de guerre vint
Portant ses tripes en ses mains
Sa mère était sur le créneau
Qui vit venir son fils Renaud.
« – Renaud, Renaud, réjouis-toi !
Ta femme est accouchée d'un roi. »
« Ni de la femme ni du fils
Je ne saurai me réjouir.
Allez, ma mère, allez devant :
Faites-moi faire un beau lit blanc :
Guère de temps ni demeurerai,
À la minuit trépasserai.
Mais faites-le-moi faire ici-bas,
Que l'accouchée n'entende pas. »
Et quand ce vint sur la minuit
Le roi Renaud rendit l'esprit.
Il ne fut pas le matin jour,
Que les valets pleuraient tretsous,
Il ne fut pas de déjeuner
Que les servantes ont pleuré.
« – Dites-moi, ma mère m'amie
Que pleurent nos valets ici ?
– Ma fille en baignant nos chevaux,
Ont laissé noyer le plus beau.
– Et pourquoi, ma mère m'amie,
Pour un cheval pleurer ainsi ?
Quand le roi Renaud reviendra
Plus beaux chevaux amènera.
– Dites-moi, ma mère, m'amie,
Que pleurent nos servantes ici ?
– Ma fille, en lavant nos linceuls,
Ont laissé aller le plus neuf.

– Et pourquoi ma mère, m'amie
Pour un linceul, pleurer ainsi ?
Quand le roi Renaud reviendra,
Plus beaux linceuls achètera. »
Or, quand ce fut pour relever,
À la messe, elle voulut aller
Or quand ce fut passé huit jours
Elle voulut faire ses atours.
« – Dites-moi, ma mère, m'amie
Quel habit prendrai-je aujourd'hui ?
– Prenez le vert, prenez le gris,
Prenez le noir pour mieux choisir.
– Dites-moi, ma mère, m'amie
Ce que ce noir-là signifie ?
– Femme qui relève d'enfant,
Le noir lui est bien plus séant. »
Quand elle fut dans l'église entrée,
Le cierge, on lui a présenté
Aperçut en s'agenouillant,
La terre fraîche sous son banc.
« – Dites-moi, ma mère m'amie,
Pourquoi la terre est rafraîchie ?
– Ma fille, ne l'vous puis plus celer,
Renaud est mort et enterré.
– Puisque le roi Renaud est mort,
Voici les clés de mon trésor.
Prenez mes bagues et bijoux,
Nourrissez bien le fils Renaud.
Terre ouvre-toi, terre, fends-toi !
Que j'aïlle avec Renaud moi roi ! »
Terre s'ouvrit, terre fendit,

Король Рено

Неизвестный автор

Король Рено с войны пришел
Смертельной раной поражен
Мать его видела в окно
Вернулся сын ее Рено.

« - Рено, Рено, возрадуйся!
Жена твоя зачала короля».
«Ни о жене, и ни о сыне
Я не сумею возликовать.

Приди же, мать моя, предстань:
Покроет мне ложе белая ткань:
Надолго не останусь я
Покину в полночь вас я друзья.

Прильни поближе ты сюда,
Не знала горя, чтоб жена».
И полночный пробил лишь час
Король Рено покинул нас.

Еще заря не занялась,
Рыданья поглотили нас,
И завтрак подан не был в час,
Служанки плакали во глас.

« - Скажи мне, мама, милый друг
О чем же плачут все вокруг?
- Моя ты дочь, купая лошадей,
Утопили слуги ту, что всех милей.

- Зачем же, мама, милый друг,
Так плакать из-за лошадей?
Когда король Рено придет,
Он еще лучших приведет.

- Скажи мне, мама, милый друг,
О чем служанки слезы льют?
- Дитя мое, полоща одеялала,
Они утопили новое самое.

- Чего же, мама, милый друг,
Так плакать из-за одеял?
Когда король Рено придет,
Красивей он приобретет.

Меж тем, когда настало время встать
На мессу, пожелала она пойти
Минуло уже восемь дней
И выбирая туалет спросила.

« - Скажи мне, мама, милый друг,
Какой наряд мне подойдет?
- Возьми зеленый или серый,
А лучше черный подбери.

- Скажи мне, мама, милый друг,
Что значит этот черный цвет?
- Та, что ребенка родила,
Будь в черный цвет облачена».

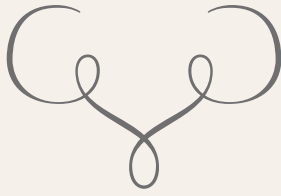
Вот в церковь лишь вошла она,
Была к свечам подведена
Свои колени преклонив,
Увидела, земля - сыра.

« - Скажи мне, мама, милый друг,
Зачем земля обновлена?
- О, дочь моя, скрывать больше не в силах я
Рено ведь мертв и погребен

- Ах, раз король Рено погиб
Ключ от сокровищ вот моих.
Возьмите золото серебро
Растите сына короля Рено.

Земля разверзнься, отворись!
В след за Рено отправлюсь я!»
Земля открылась, подалась,
И та была поглощена.

La blanche biche

Anonyme

Celles qui vont au bois, c'est la mère et la fille.
La mère va chantant et la fille soupire.
« – Qu'avez-vous à soupirer, ma fille Marguerite ?
– J'ai bien grande ire en moi et n'ose vous dire.
Je suis fille le jour, et la nuit blanche biche.
La chasse est après moi, les barons et les princes.
Et mon frère Renaud qui est encore bien pire.
Qu'il arrête ses chiens jusqu'à demain ressie.
Où sont tes chiens Renaud et ta chasse gentille ?
Ils sont dedans le bois, à courre blanche biche.
Arrête-les Renaud, arrête, je t'en prie ! »
Trois fois, les a cornés de son cornet de cuivre,
À la troisième fois, la blanche biche est prise.
Celui qui la dépouille dit je ne sais que dire.
Elle a les cheveux blonds et le sein d'une fille.
A tiré son couteau, en quartiers l'a mise.
En ont fait un dîner aux barons et aux princes.
Nous voici tous ici, faut ma sœur Marguerite.
« – Vous n'avez qu'à manger, suis la première assise.
Ma tête est dans le plat et mon cœur aux chevilles.
Mon sang est répandu dans toute la cuisine.
Et sur vos noirs charbons, mes autres os s'y grillent. »
Celles qui vont au bois, c'est la mère et la fille.

Белая лань

Неизвестный автор

Вон те, что по лесу бредут, это мать и дочка,
И песню мать идет поет, а дочь ее вздыхает.
« - О чем же вздыхаешь, моя милая Маргарита?
- Заклятье есть на мне, и я не решаюсь сказать Вам.
Я дева днем, а ночью белая лань.

И охотятся на меня и бароны и принцы.
И что всего хуже брат мой Рено.
Пусть отзовет он своих собак до завтрашнего утра.
Где же твои псы Рено и твоя славная охота?
Они в лесу, гонят белую лань.
Останови их Рено, останови, прошу тебя!»

Три раза протрубил он в охотничий свой рог,
На третий раз попалась лань.
Снимавший шкуру молвил: не знаю, что сказать я,
И локоны ее белы, бела девичья грудь.

Достал свой нож, и разделил то мясо на куски он.
И ужин приготовили для баронов и принцев.
И вот здесь все мы собрались, все кроме сестры моей Маргариты.

«- Осталось вам лишь только есть, к столу я явилась первой.
На блюде моя голова, а сердце у лодыжек.
И кровью моей вся кухня залита.
Поджариваете на своих углях мои другие кости».

Вон те, что по лесу бредут, это мать и дочка.

